

не имевший никакого отношения к большевистскому подполью, так описывал порядки во Владикавказе с приходом добровольцев:

«Расстреливают и вешают каждый божий день. К сожалению, считают совершенно лишним публиковать списки казненных и их вину, за которую они преданы смерти, что вызывает разные слухи, кривотолки и разговоры, клонящиеся далеко не в пользу теперешних наших правителей».

Казни и убийства стали нормой и не вызывали такого отторжения, как ранее. Когда после прихода белых в Симферополь схваченные большевики были повешены на фонарях прямо в центре города, это зрелище собрало большую толпу зевак.

«Говорят, — писал рассказавший об этом мемуарист, что некоторые дамы, в том числе две-три профессорские жены, танцевали под повешенными»...

Так Люцифер завладевал душами обывателей, благословляя исполнителей террора на эскалацию безумия.

...Деникин нашел в себе мужество дать жесткую оценку таким явлениям и самокритично определить свою роль и место. Деникин — один из немногих вождей Белого движения (еще, пожалуй, Врангель), кто не дистанцировался от всех безобразий (как, например, Шкуро), а прямо заявил: армия опозорила себя грабежами и насилием. Они разъядали ее душу и подтачивали боевую мощь.

Генерал не ищет себе оправдания в глазах потомков, ибо бывший главком ВСЮР нес и юридическую, и нравственную ответственность за все беззакония.

3.7. А. И. Деникин и Антанта: крушение надежды

498. А. И. ДЕНИКИН:

Во время поездки нашей делегации в Париж генерал Драгомиров после посещения Клемансо¹ в письме ко мне излагал свои впечатления:

«Все понимают необходимость союза с нами. Панически боятся реванша Германии и чтобы мы не соединились с Германией против

Европы. Клемансо был со мною очень предупредителен. Сначала резко пытался нападать на нас, что мы “враги Франции”; ссылаясь на какое-то письмо Ваше к Колчаку, в котором Вы будто бы весьма резко критиковали политику Франции. Пытался обвинять в том же и меня. Я дал ему на это... резкий отпор, что “врагами Франции” никогда не были, но, несомненно, весьма отрицательно относились к французским генералам, создавшим одесскую катастрофу². Клемансо в конце концов несколько раз объявил, что будет оказывать нам всяческую помощь, но, конечно, не людьми. От “людей” я поспешил отказаться, а настаивал на скорейшей моральной поддержке, путем немедленного формального признания правительства Колчака и принятия наших представителей в сонм официальных послов других держав. На это я ответа не получил. Разговор кончился почти дружески повторением обещания — помочь всем, чем может...

Я убежден, что и эти, и другие мои осведомители совершенно правильно освещали настроения правившей Франции. Казалось несомненным, что положительные отношения ее к противобольшевистской России имели под собою твердый базис: 1) угроза русского большевизма, 2) опасность русско-немецкого сближения, направленного против Франции и 3) преимущественная заинтересованность ее в признании и уплате российского государственного долга. И, тем не менее, французская политика не сделала своего “выбора”, оставшись на распутье: Франция делила свое внимание между Вооруженными силами Юга, Украиной, Финляндией и Польшей, оказывая более серьезную поддержку одной лишь Польше, и только для спасения ее вступила впоследствии в более тесные сношения с командованием Юга в финальный, крымский период борьбы. Это обстоятельство придавало всей политике Франции в “русском вопросе” характер нерешительности, неустойчивости, беспочвенного гадания и отсутствия той доли риска, которая законна и неизбежна во всяком большом политическом предприятии. В итоге мы не получили от нее реальной помощи: ни твердой дипломатической поддержкой, особенно важной в отношении Польши, ни кредитом, ни снабжением.

Мы связывали большие надежды с приездом осенью 1919 года миссии генерала Манжена³, командированного уже правительством, обладавшего “широкими полномочиями”, как гласила верительная грамота, обязавшего “облегчить сношения между Добровольческой армией и французским командованием для вящей пользы противобольшевистской борьбы и укрепления связей, соединяющих издавна Францию с Россией”».

Надежды не оправдались. В таганрогской миссии не было никакой русской политики, потому что ее не было и в Париже. Все попытки сдвинуть вопрос с мертвой точки не увенчались успехом, и миссия сохранила свой прежний характер, главным образом, осведомительного и отчасти консульского органа. Мы вели длительную переписку

и разговоры по поводу захвата французами черноморского транспорта и возвращения интернированных судов русского военного флота; по поводу претензий французских предпринимателей Кривого Рога и Донецкого бассейна; франкофобских выходов некоторых южных органов печати и так далее, и так далее. Разговоры — нудные и раздражающие. Была попытка со стороны французского командования и к осуществлению пресловутой англо-французской конвенции о «зонах действий...». В августе 1919 года я получил уведомление, что на основании этой конвенции «контроль над пассажирами, следующими во все (русские) порты на запад от входа в Азовское море, будет производиться французскими властями». Для этой цели французы решили послать свои паспортные бюро сначала в крымские порты, потом в Одессу. Начальнику французской миссии было сообщено о недопустимости вмешательства в наши внутренние дела и о том, что «контроль над лицами, прибывающими в район ВСЮР, осуществляется российскими дипломатическими и военными представителями за границей, без разрешения которых никто в пределы Юга России не может быть допущен». В конце концов, штаб? генерала Франше д'Эспре свел вопрос к «недоразумению», и французские контрольные пункты из чинов, «аккредитованных при русских властях», были допущены на побережье, но лишь для контроля лиц, выезжающих из России в Константинополь, то есть в фактическую зону союзной оккупации...

Мы ли были недостаточно логичны, французы ли слишком инертны, но экономические отношения с Францией также не налаживались. Только в декабре французское правительство аккредитовало при «Особом совещании» своего представителя, директора русского отдела «L'OFFICE commercial господина Cottavoz для установления этих «огромной важности отношений». Как раз ко времени, когда началось уже отступление армий Юга...

Англичане, доставляя нам снабжение, никогда не возбуждали вопроса об уплате или компенсациях. Французы не пожалились предоставить нам огромные запасы, свои и американские, оставшиеся после войны и составлявшие стеснительный хлам, не окупавший расходов на его хранение и подлежавший спешной ликвидации. Французская миссия с августа вела переговоры о «компенсациях экономического характера» взамен за снабжение военным имуществом и после присылки одного, двух транспортов с ничтожным количеством запасов. Маклаков телеграфировал из Парижа, что французское правительство «вынуждено остановить отправку боевых припасов, что было бы особенно опасным для Юденича⁴», если мы «не примем обязательство — поставить на соответствующую сумму пшеницу».

Это была уже не помощь, а просто товарообмен и торговля. Такое соглашение, помимо наших финансовых затруднений, осложнялось значительно тем еще обстоятельством, что, в корне разрушая принцип морального обязательства союзной помощи в борьбе с общим врагом, могло вызвать, как о том предупреждал и Маклаков, соответственные требования и со стороны Англии. Казне Вооруженных сил Юга такая тягота была бы не под силу.

И, тем не менее, я был искренен, когда в октябре на приеме французской миссии во главе с генералом Манженом говорил:

«В жизни народов бывают моменты падения и возрождения, моменты сдвига с исторического пути и переоценки взаимоотношений. Но неумолимый закон бытия не допускает уклонения от поставленных им вех. В таком положении находятся русско-французские отношения, созданные не людьми, а взаимными жизненными интересами народов. Эти отношения не могут измениться без глубоких потрясений. Нам суждено идти по одной дороге, и все препятствия на ней должны быть устранены».

Отправляя в мае 1919 года на Юг нового главу британской миссии генерала Хольмена, военный министр Черчилль писал мне:

«Я надеюсь, что Вы отнесетесь к нему с полным доверием... В согласии с политикой правительства Его Величества, мы сделали все возможное, чтобы помочь Вам во всех отношениях. Мое министерство окажет Вам всякую поддержку, какая в нашей власти, путем доставки военного снаряжения и специалистов-экспертов. Но Вы, без сомнения, поймете, что наши ресурсы, истощенные Великой войной, не безграничны... тем более что они должны служить для выполнения наших обязательств не только в Южной, но и в Северной России и Сибири, а, в сущности, на пространстве всего земного шара».

...И английская политика в «русском вопросе» за вторую половину 1919 года не стала прямолинейнее, обстоятельство тем более важное, что Ллойд Джордж пользовался весьма большим влиянием и в Верховном совете, заседавшем в Версале.

Несомненно, колебания английской политики находились в большой зависимости от успехов или неудач на белых фронтах, укрепляя попеременно то друзей наших, то недругов среди общественных и парламентских кругов Англии. Весьма чутким барометром для этих настроений служил глава ее правительства, имевший всегда большое тяготение к сближению с большевиками. Осенью 1919 года, когда обнаружались крупные неудачи на Восточном фронте, Ллойд Джордж

стал подготавливать общественное мнение к крутому повороту политического курса:

«Я не могу решиться, — говорил он, — предложить Англии взвалить на свои плечи такую страшную тяжесть, какой является водворение порядка в стране, раскинувшейся в двух частях света, в стране, где проникавшие внутрь ее чужеземные армии всегда испытывали страшные неудачи... Я не жалею об оказанной нами помощи России, но мы не можем тратить огромные средства на участие в бесконечной гражданской войне... Большевизм не может быть побежден оружием, и нам нужно прибегнуть к другим способам, чтобы восстановить мир и изменить систему управления в несчастной России...»

Подымая вновь свой неудавшийся проект конференции на Принцевых островах⁵, он высказывал надежду, что «с наступлением зимы все существующие в России правительства несколько одумаются, и тогда великие державы будут иметь возможность предложить вновь свое посредничество, дабы в России установились, наконец, порядок и спокойствие...». Целесообразность содействия адмиралу Колчаку и генералу Деникину является тем более вопросом спорным, что они «борются за Единую Россию...». «Не мне указывать, соответствует ли этот лозунг политике Великобритании... Один из наших великих людей, лорд Биконсфильд, видел в огромной, могучей и великой России, катящейся подобно глетчеру по направлению к Персии, Афганистану и Индии, самую грозную опасность для Великобританской империи...».

Впечатление от этих заявлений на Юге России — на фронте и в тылу — было весьма тяжелым. В них увидели окончательный отказ от борьбы и от помощи противобольшевистским силам в самый трудный для нас момент. Российская общественность, печать, политические организации отзывались на лондонские речи статьями и постановлениями, полными горькой обиды и резкого осуждения. Необходимо отметить, что и в Англии точка зрения Ллойд Джорджа также далеко не встретила единодушного признания. В горячих речах сторонников России, в временной печати мы находили тогда не раз отголоски наших собственных чувств и мыслей.

«Сейчас для нас важно решить, — писали газеты, — бросим ли мы дружелюбный народ на произвол судьбы после всего того, что им сделано для нас, или же будем помогать ему всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении... Совершенно верно, что военное вмешательство ныне немыслимо. Но верно также и то, что мы можем путем оказания полной материальной и нравственной помощи нашим русским друзьям содействовать их конечному торжеству».

Существовало, наконец, еще одно течение, довольно безразлично трактовавшее политическую и моральную сторону обязательств по отношению к России и допускавшее на практике только одно из двух противоположных решений: «Либо оказывать России помощь в полной мере, либо предоставить ее собственным силам».

Пока такими извилистыми линиями начерчивались судьбы «русского вопроса» в мировых центрах, на Юге непосредственные взаимоотношения складывались вполне благоприятно. В августе-сентябре английские войска покинули Азербайджан и Грузию, чем устранено было много острых поводов для столкновений. Оккупационный отряд занимал еще Батум, судьба области оставалась неопределенной, и генерал-губернатор ее Кук-Колис продолжал без изменения ту политику, которая была так характерна для английской оккупации в Закавказье... Английское общество «Левант» захватывало закавказский марганец, и шли какие-то разговоры о проведении транс-Кавказской железнодорожной линии от Батума через Карс и Персию... Но и миссия, и английское военное министерство вносили умеряющее начало в деятельность Кук-Колиса.

Англичане передали нам Каспийскую флотилию. Генерал Гринли, военный представитель в Румынии, по поручению Черчилля поддерживал там весьма настойчиво наши интересы. Генерал Бриггс⁶ с ведома военного министерства и при некотором противодействии дипломатического ведомства, направившись в Варшаву, так же как и член парламента Маккиндер⁷, склонял всемерно польское правительство к совместным с нами наступательным действиям. И так далее, и так далее.

Военное снабжение продолжало поступать, правда, в размерах, недостаточных для нормального обеспечения наших армий, но все же это был главный жизненный источник их питания. Глава британской миссии генерал Хольмен и его многочисленный штаб не отделяли совершенно русских интересов от английских. В одном интервью генерал Хольмен заявил: «Находясь здесь, я считаю себя прежде всего офицером штаба генерала Деникина, в котором должен так же работать на пользу России, как работал во время войны, во Франции, в штабе генерала Раулинсона». И это не было только фразой. Он работал с большой энергией, увлечением и пользой для нашего дела. В узких пределах, не вызывавших пристального внимания и тревоги парламента и в особенности лейбористской партии, английское командование допускало участие англичан и в боевых действиях. Так, Черноморская британская эскадра оказывала нашим войскам серьезную поддержку в операциях на побережье Азовского и Черного морей; английские авиационные отряды вели самоотверженно раз-

ведку и бои в рядах наших армий, и сам Хольмен лично участвовал в воздушных атаках...

Две морали, две политики, две «руки» — дающая и отъемлющая. И двойной след, оставленный в памяти русских людей: горечь при мысли о пропавших, неповторимых возможностях и благодарность сердечная тем, кто искренне нам помогал.

499. А. И. ДЕНИКИН:

Постоянным тормозом служат центробежные стремления, личные интересы и честолюбия, психоз «суверенности» и крупные ошибки союзников, совершенно не разбирающихся в сложных явлениях русской жизни. «Принцессы острова» единодушно провалены. Очередное заблуждение союзников (французов) — настойчивое желание разрушить в Юго-Западном крае начало общеобязательной повинности и перейти к добровольческим формированиям — русские части с французским командованием. Конечно, допустить этого не могу...¹

500. А. И. ДЕНИКИН:

Борьба за счастье России немислима с ее расчленением. И я не допущу этого.

501. У. ЧЕРЧИЛЛЬ:

Военные действия Деникина оказались гораздо более серьезными, и его усилия были настойчивыми. По совету генерального штаба, начиная с июля месяца, Англия оказывала ему главную помощь, и не менее 250 тыс. ружей, двести пушек, тридцати танков и громадные запасы оружия и снарядов были посланы через Дарданеллы и Черное море в Новороссийск¹. Несколько сотен британских армейских офицеров и добровольцев в качестве советников, инструкторов, хранителей складов и даже несколько авиаторов помогали организации деникинских армий. Деникина окружали те оставшиеся в живых герои русской добровольческой армии, которые год перед тем под начальством Алексева и Корнилова сражались за интересы России, когда эти интересы еще совпадали с интересами союзников.

Таким образом, в распоряжении Деникина была небольшая группа, безусловно знающих, решительных и верных офицеров. Как мы уже

видели, он сумел достигнуть крупных успехов, и в середине лета его отряды быстро двигались на север, дойдя до Киева — на западе и Каспийского моря — на востоке. В общем обзоре, который я представил 22 сентября 1919 г. кабинету (в то время армия Колчака еще существовала), я писал:

«Наша политика должна оставаться крепкой. Мы должны поддерживать дружественную связь с Деникиным, продолжать посылать ему военное снаряжение, помогать ему в борьбе с большевистскими силами, помогать насколько возможно политическими советами и не дать ему стать орудием реакции. Главным же образом мы должны стараться развить торговлю и кредит во всех больших освобожденных районах для того, чтобы народ мог сравнить новые условия с тем безнадежным существованием, которое выпало на долю большевистской России. Нужно отметить тот факт, что генерал Деникин ни разу еще не просил подкреплений для своей армии. Только один британский лейтенант был за все последние девять месяцев легко ранен. Это единственный случай английских потерь. Не нужно никаких значительных затрат (за исключением сомнительной ценности излишнего военного снаряжения), никаких военных подкреплений, за исключением, может быть, технического персонала. Моральная поддержка, советы, торговые сношения — вот чего у нас просят...»

...Я употребил все свое влияние на то, чтобы предупредить всякие эксцессы и добиться согласованных действий. 18 сентября я писал: «Крайне важно, чтобы генерал Деникин не только сделал все от него зависящее, чтобы не допустить еврейских погромов в освобожденных областях, но чтобы он выпустил прокламацию против антисемитизма». Далее, 20 сентября я заявил: «Безусловно, очень важно добиться улучшения в отношениях между украинцами и Деникиным. Необходимо всячески стараться избегать такого положения вещей, которое заставило бы Деникина продолжать посылать войска против Петлюры»...

...Как только выяснилась неудача Деникина, та крайне нерегулярная поддержка, которую оказывали ему великие державы, была совершенно прекращена. 3 февраля 1920 г. мне пришлось известить генерала Холмана о необходимости откровенно сообщить Деникину о создавшемся положении:

«Я не имею права более давать ему надежду, что британское правительство окажет ему какую-либо дальнейшую помощь сверх той, которая уже была обещана. Равным образом британское правительство не воспользуется своим влиянием для образования коалиции поляков, прибалтийских

государств, Финляндии и т. д. и Деникина — против Советской России. Объясняется это тем, что у британского правительства нет такого количества людей и денег, которое было бы достаточно для того, чтобы довести подобное предприятие до успешного окончания и что оно не хочет побуждать к тому других, не имея достаточных средств, чтобы поддержать их. Британское правительство, с полного согласия со стороны французского правительства, готово предложить лимитрофным государствам известную поддержку в том случае, если они подвергнутся нападению со стороны Советской России... Бесполезно обсуждать мудрость и правильность этой политики. Я полагаю, что так именно и будет. Обычно говорят, что лимитрофные государства борются исключительно только за свою независимость, тогда как Деникин борется за власть в России. Мы не можем предпринять никаких дальнейших шагов для того, чтобы помочь в достижении этой цели, хотя мы ей и симпатизируем... Теперь на очереди стоит главный вопрос, как спасти от кораблекрушения все, что возможно».

502. П. Н. ВРАНГЕЛЬ:

В эти дни приехал навестить меня начальник английской миссии генерал Хольмен. Я был с ним в приятельских отношениях. Очень доброжелательный и чрезвычайно порядочный человек, он был весьма смущен крупной переменной политики главы английского правительства. В газетах только что появилась речь Ллойд Джорджа, нам явно враждебная. Я указал генералу Хольмену на то тяжелое впечатление, которое речь эта произвела в армии: ее толковали как измену нам в настоящие тяжелые дни.

— Позвольте говорить мне с вами, как с другом. Все то, что ваше правительство сделало для нас, всю ту большую материальную и моральную помощь, которую Англия оказывала нам последние месяцы, наша армия знала, и симпатии к Англии все более росли. Теперь неизбежно должны наступить разочарование и естественное озлобление. Едва ли, независимо от внутренней политики Великобритании, это в ваших интересах. Наше положение весьма тяжело, однако, не безнадежно. Готовясь к продолжению борьбы, мы, в тоже время, должны принять меры, чтобы не быть застигнутыми врасплох. Я недавно писал генералу Деникину, что нам необходимо войти в соглашение с союзниками об эвакуации семей офицеров. Офицер не может выполнять свой долг, когда он поглощен заботами об участии своей жены и детей.

Помощь семьям армии со стороны англичан была бы высоко оценена войсками и в значительной мере сгладила бы впечатление от тех речей английского премьера, которые известны армии из газет...

Генерал Хольмен чрезвычайно сочувственно отнесся к моим словам. Он обещал ходатайствовать в этом направлении перед своим правительством и переговорить по этому поводу с командированным для переговоров с генералом Деникиным членом английского парламента Маккиндером, приезд которого ожидался со дня на день. Генерал Хольмен впоследствии полностью выполнил свои обещания...

503. Г. Е. ЛЬВОВ:

Снабжение армии ген. Деникина¹ начинает приобретать регулярный и довольно значительный характер.

504. Е. Н. ТРУБЕЦКОЙ:

...Боевой материал стал прибывать из Англии в таком изобилии, что Добровольческая армия не успевала его разгружать. Англичане жаловались на медлительность разгрузки». То же самое рассказывал Трубецкому о Закавказье вернувшийся оттуда в апреле 1919 г., генерал И. Г. Эрдели. Очевидно, что весной 1919 г. произошел какой-то перелом в отношении Англии к нам.

505. Н. В. ЧАЙКОВСКИЙ:

Доверие населения к чужеземному войску может быть приобретено только через доверие к правительству, которое ручается перед населением за отсутствие у иностранного командования захватных стремлений. Потому-то в задачи союзного командования и должна была входить не только победа над общим врагом, но и укрепление, а не дискредитирование авторитетной правительственной власти, как это делал наш первый главнокомандующий генерал Пуль...

506. А. С. ЛУКОМСКИЙ:

Меня крайне беспокоит Ваше решение об открытии военных действий против Грузии с моря. Это вредно политически. Англичане недовольны.

507. Г. В. ЧИЧЕРИН:

Отношения деникинцев и союзников — это вовсе не якобы ничем не омраченная тесная дружба, как это может показаться внешнему миру, а, напротив — сплошное недоверие и даже ненависть, проявляемая к Антанте, со стороны старых генералов.

508. Я. А. СЛАЩЁВ-КРЫМСКИЙ:

Союзники давали деньги, рассчитывая возместить свои расходы со временем русскими углем и нефтью.

509. Г. ТРУБЕЦКОЙ:

...Англичан интересовала бакинская нефть; к ноябрю 1919 г. они заняли Баку и железную дорогу до порта Батуми. Как вспоминал один из белых деятелей: «С легкой руки англичан грузины заняли определенно враждебную позицию к русским вообще и Добровольческой армии в частности. Русские в Тифлисе подвергались настоящему гонению. Особенно потерпела русская Церковь...»... Деникин даже просил англичан разъяснить, имеем мы дело с союзниками или с врагами. Небольшие английские части появились и в другой желанной сфере британских интересов — в Закаспии, контролируя железную дорогу Красноводск — Ашхабад.

510. А. И. ДЕНИКИН:

Революция страшна не только для России, ибо волна крови захлестывает не только побежденных, но и победителей.

511. У. ЧЕРЧИЛЛЬ:

Русским военным силам, ведущим борьбу с большевиками, будет оказана всяческая помощь.

512. ХОЛЬМЕН:

Мною получена следующая телеграмма из Лондона от Военного Министра:

«Вчера мною была получена санкция КАБИНЕТА на дополнительную поставку военного снабжения и припасов для Армий Вашего Высокопревосходительства на сумму 14,5 миллионов фунтов стерлингов, включая суда и стоимость перевозки».

Эти военные припасы представляют из себя четвертую часть всех наших военных запасов и поэтому состоят из предметов которыми мы можем свободно располагать. Я не предполагаю выслать все сразу, а по мере Вашей в них надобности. Генерал Бриггс выезжает на будущей неделе для посещения Вас и Генерала Хольмена. Было бы желательно, чтобы он объехал фронт и доложил мне непосредственно. Генерал Бриггс привезет с собой ведомость всего имущества, коим я теперь могу снабдить Вас; на ней Вы можете отметить какие предметы снабжения требуются Вам в первую очередь, после чего нами будет урегулирована доставка его. Тем же временем о всем Вам необходимом благоволите просить через Генерала Хольмена и я постараюсь удовлетворить Вас. Ведомость, посылаемая Вам, состоит главным образом из перечня пушек, снарядов, винтовок, самолетов снаряжения и оружия и в меньшем количестве прочего имущества. Предметы, не включенные в ведомость, должны быть приобретены путем покупки».

Я надеюсь, что эта новая существенная поставка даст возможность достичь решительных результатов.

513. А. И. ДЕНИКИН:

Это не помощь, а оккупация.

514. М. ГРЕЙ:

Не понимая тех реальных задач, которые поставили перед собой добровольцы, д'Ансельм не позволил белым, чей личный состав теперь достигал 5000 человек, использовать русское оружие и боеприпасы, хранящиеся на складах в соседних селах, и требовал расформировать

добровольцев в «смешанные бригады», которые поставить под командование французских офицеров. Ответ Деникина был самым резким. Содержание телеграммы, посланной им представителю Добровольческой армии в Одессе, который в свою очередь с гордым видом передал ее д'Ансельму, было следующим: «Я категорически запрещаю вам отдавать русские войска во власть иностранцам. Пусть в Одессе станет всем известно, что русские офицеры, завербовавшиеся в «смешанные бригады», будут подвергнуты военному суду». Д'Ансельм, разъяренный и так ничего и не понявший, воскликнул:

— Как можно работать с этим Деникиным, который только и делает, что дает вам по носу? Нам остается только сложить чемоданы и вон отсюда!

Что французы и сделали в первых числах апреля, после мятежа их флота, стоящего на рейде в Одесском порту...

...Если объективно взглянуть на сложившуюся ситуацию, то необходимо признать, что если французы не хотели понимать проблем добровольцев и попирали их национальную гордость, то и Деникин, со своей стороны, не особенно утруждал себя дипломатическими тонкостями... Он лишь вздыхал: «В эти дни народного бедствия официальные представители Франции сделали все возможное, чтобы переполнить чашу нашего несчастья».

Франше д'Эспре в письме Деникину дал следующую... неожиданную трактовку недавних событий:

«Эвакуация двух городов объясняется исключительно нашей неспособностью обеспечить их снабжением продуктами питания... О поражении, с военной точки зрения, здесь не может идти и речи. Если бы мы могли, не колеблясь, обречь население этих двух городов на голодное существование, то мы остались бы на наших позициях».

Деникин сделал свои выводы: «Их солдаты устали. Они не хотят больше драться. Вовлечь их в русский хаос было бы в высшей степени опасным предприятием». Как бы там ни было, престиж французов чрезвычайно упал в глазах добровольцев: газеты, памфлеты, разговоры выражали охватившие их разочарование и гнев. «Почему мы в свое время не стали союзниками Германии!..» — слышалось то там, то здесь. Деникин признавался позднее, что ему «стоило большого труда преодолеть свою горечь».

...Деникин потерял надежду на действенную помощь со стороны Франции с момента эвакуации Одессы и Севастополя, но он уже знал, что может рассчитывать на Англию. Военные миссии двух стран, аккредитованные в Екатеринодаре, с самого начала не находили

общего языка. С каждым днем соперничество все больше перерастало в антагонизм. Так, когда военные представители Франции пришли передать Деникину телеграмму № 10317, которая сообщала о назначении Франше д'Эспре командующим «экспедиционным корпусом», британский представитель поспешил так прокомментировать Романовскому эту новость:

— Оставьте ваши переговоры с французами! Они вам многое обещают, но ничего не дадут. Лучше представьте мне полный список того, в чем вы нуждаетесь.

Через несколько месяцев британская помощь материализовалась в 558 пушек, 12 танков, 1 миллион 700 тысяч снарядов, 160 миллионов патронов, несколько десятков самолетов, 250 000 униформ и бесчисленные ящики с медикаментами. Английские артиллеристы и летчики, официально уполномоченные лишь инструктировать своих союзников в искусстве владения оружием и управления самолетами, на деле принимали активное участие в военных действиях.

...Командование ВСЮР с некоторого времени стало отдавать себе отчет, что Соединенные Штаты отказываются понимать их проблемы. Президент Вильсон¹ взял на себя столь же странную, сколь и неуместную инициативу подготовить конференцию между союзниками, белыми и красными на турецком острове Принкипо. Могла ли такая неистовая, беспощадная гражданская война, какая развернулась в России, разрешиться иначе, чем полной и окончательной победой одного лагеря над другим? Белое командование отказалось присутствовать на конференции. Адмирал Каллен, глава военной миссии США при Деникине, с этих пор ограничился ролью наблюдателя, оказывая белым только гуманитарную и медицинскую помощь.

После драмы, происшедшей в Одессе и Севастополе, никто уже не рассчитывал на помощь Франции, она так же была неспособна понять нужды Белой армии, как и Соединенные Штаты. Все лишь пожимали плечами, вспоминая демарш Клемансо, который открыто заявил о необходимости «тесного сотрудничества» между украинским сепаратистом Петлюрой и сторонником «великой, единой и неделимой России» Деникиным... Какая-то надежда появилась в сентябре 1919 года, во время приезда в Таганрог чрезвычайной миссии во главе с генералом Манженом. Увы, переговоры ни к чему не привели. В обмен на помощь Манжен потребовал от обнищавшего правительства юга России конкретных и немедленных материальных компенсаций.

«Речь идет не о помощи союзников, — вздыхал Деникин, — а только о коммерции...»

515. Д. В. ЛЕХОВИЧ:

Генералу Деникину не могло прийти в голову, что внутренние противоречия и разногласия в правительствах Франции и Англии сведут на нет торжественные обещания их представителей; что в ближайшие месяцы невыполненные обещания и несбывшиеся надежды отразятся на взаимоотношениях Юга России с союзниками, что радость сменится недоумением и перейдет затем в явное раздражение и что в лагере красных союзные ошибки и взаимное недоверие станут предметом нескрываемого злорадства и успешной пропаганды.

...Ни местное французское командование, ни правительство в Париже не имело определенного плана действий. Одновременно делались заявления о необходимости бороться до конца против большевизма и тут же выдвигался лозунг: «ни капли французской крови»... Отношения французского командования с представителями Добровольческой армии становились все более и более натянутыми. Картина того, что происходило в Одессе, казалась в Екатеринодаре еще менее понятной, чем она была на самом деле. В правящих кругах Добровольческой армии конфликт с французами в Одессе приписывался до некоторой степени личности Гришина-Алмазова, которого никто в Екатеринодаре хорошенько не знал. Поэтому решено было сменить Гришина почтенным и уважаемым всеми генералом А. С. Санниковым¹. Санников был начальником снабжения Добровольческой армии, во время Первой мировой войны он занимал ту же должность на Румынском фронте, а в период гетмана временно был городским головой Одессы, следовательно, знал местную обстановку.

По прибытии в Одессу Санников отправился с визитом к генералу д'Ансельму и, к своему изумлению, обнаружил, что французский генерал не мог понять, по какому праву генерал Деникин «делает назначения в районе, занятом французскими войсками». Отношения обострились решением французов формировать в районе Одессы новые части из русских под начальством французских офицеров, которые предполагалось назвать «смешанными бригадами». Французы также предъявили требование, чтобы генерал Санников всецело подчинился французскому командованию «в отношении применения русских войск».

Узнав об этом, генерал Деникин отправил Санникову две резкие телеграммы. Фактически Санников был лишь передаточной инстанцией. Содержание телеграмм предназначалось для сведения французского командования.

В первой телеграмме, предлагая Санникову всемерно координировать свои действия с французами, Деникин разрешил ему (ввиду численного преобладания в Одесском районе союзных войск) подчинить русские части французскому командованию, но только в оперативном отношении. Во всех других отношениях: военном, политическом, гражданском — гласила телеграмма: «Вы подчинены мне и только от меня можете получать приказания».

Вторая телеграмма касалась вопроса о формировании «смешанных бригад». Этот вопрос очень остро задел Деникина. Он не мог понять, как французским союзникам, прибывшим в Россию для совместной борьбы с большевикам, не пришло в голову, что формирование таких частей в корне подрывало авторитет Добровольческой армии и ее командования; что французский оклад, более щедрый, чем нищенское жалование добровольцев, мог привлечь в «смешанные бригады» менее стойкий в моральном отношении элемент офицерства, который иначе подлежал бы призыву в армию Деникина. Добровольческая армия, сохранив свое старое название, на самом деле перешла тогда уже к принципу обязательной воинской повинности, и «смешанные бригады» явились бы большим соблазном для тех, кто желал уклониться от службы. Это могло быть поводом к дезертирству и развалу. Кроме того, сама идея формирования бригад из русских людей, подчиненных исключительно французскому командованию, шла вразрез с принципами Деникина, с его идеей воссоздания русской армии, во имя чего лучшее офицерство боролось в рядах добровольцев. В данном случае вопрос шел не только о сохранении дисциплины и единства командования, но и о том, чтобы быть хозяином в собственном доме.

«Категорически воспрещаю Вам делать эксперименты с русскими войсками по чужой указке», — телеграфировал Деникин Санникову. Кроме того, он приказал опубликовать в Одессе объявление, что всякий русский офицер, позволивший себе вступить в «смешанные бригады», будет предан военно-полевому суду. Одновременно генерал Деникин обратился с личным письмом к генералу Бертело, где, излагая вышеприведенные соображения, указывал на «грозные последствия, которые повлекут за собой мероприятия, намеченные французским командованием». Письмо заканчивалось вопросом: «С чем пришли к нам союзники? На помощь ли истекающей кровью России или с целью оккупации, со всеми происходящими из нее тягчайшими для нас последствиями?».

Все это время Антон Иванович, рассчитывая на совместную работу своих представителей с французскими военными властями, не допускали мысли об иностранной оккупации Одессы. Потеряв терпение,

он, не стесняясь, стал высказывать французскому командованию простым солдатским языком все, что думал по поводу их действий. И вполне естественно, что прямолинейность Деникина раздражала французов. Проект о «смешанных бригадах» был отменен, но раздражение французов вскоре вылилось в решение устранить представителей Добровольческой армии от всякого участия в управлении Одесским районом.

...Антону Ивановичу неоднократно хотелось послать ко всем чертям бывших друзей, которых он так долго идеализировал. Но приходилось терпеть. Без боевого снабжения союзников он не мог предпринять крупных операций, направленных к центру России. Во имя соображений государственных ему не раз приходилось уничтожать черновики своих писем к Франше д'Эспре, написанных в излишне резком тоне протеста под влиянием минутной вспышки, возмущения.

Если главная вина в происшедших на Юге России острых трениях между русскими и французами ложится на последних, то из этого не следует, что белое командование в Екатеринодаре было безгрешно.

Национальное самолюбие, обостренное событиями последних лет, мешало генералу Деникину предоставить своему представителю в Одессе более обширные полномочия: Екатеринодар вмешивался в решения всех, даже самых пустячных дел. И причиной тому было хотя и благородное, но чрезвычайно осложнявшее вопрос стремление во что бы то ни стало поддерживать перед иностранцами достоинство России так, как его понимал генерал Деникин.

...Полным контрастом неудачному подбору французов, с которыми пришлось тогда столкнуться Деникину, были представители Великобритании. Генерал Пуль и его преемники, генералы Бриггс и Хольмен, оказались людьми высокого калибра, «большого благородства и солдатской прямоты», как их охарактеризовал Антон Иванович. Ближе узнав генерала Деникина и оценив в нем те же качества, они относились к нему с полнейшим доверием и готовностью во всем содействовать возглавляемому им движению. Несмотря на внутренние противоречия в правительстве Англии, несмотря на расхождение во взглядах на британскую политику в русском вопросе между военным министром Черчиллем и премьером Ллойд Джорджем, они твердо стояли за единство России, искренне шли навстречу военным нуждам деникинской армии и делали все от себя зависящее, чтобы отстоять ее интересы. С этими людьми у Антона Ивановича тогда же сложились дружеские отношения, сохранились они и в дальнейшем, когда, передав командование армией генералу Врангелю, он навсегда покинул пределы России.

...Но двойственность британской политики в России (особенно в Закавказье), расхождения во взглядах между Черчиллем и Ллойд Джорджем, с одной стороны, русофильство, с другой — русофобство, отсутствие ясно продуманной программы действий — все это приводило Деникина в полное уныние. Однажды с присущей ему откровенностью он спросил англичан, в каком качестве они пришли на Кавказ — в качестве друзей или врагов. Но по вопросу снабжения Антону Ивановичу не приходилось жаловаться на англичан: с марта по сентябрь 1919 года его армия получила от них 558 орудий, 12 танков, 1 685 522 снаряда, 160 миллионов ружейных патронов и 250 тысяч комплектов обмундирования.

Когда после неудачи белого движения левые круги в Англии обвиняли Черчилля в огромных суммах, потраченных на поддержку Деникина, он отвечал, что слухи о ста миллионах фунтов стерлингов, якобы израсходованных на помощь Югу России, были «абсурдным преувеличением». Боевое снабжение, посланное Деникину, говорил Черчилль, являлось никому не нужным в Англии излишком того, что было заготовлено для военных нужд Британской армии во время Первой мировой войны. А потому с концом ее, как негодный для продажи товар, оно не представляло из себя денежной ценности на рынке.

516. Г. М. ИПОЛИТОВ:

Генерал Деникин упорно налаживал свою внешнюю политику, краеугольным камнем которой стали взаимоотношения с союзниками по Антанте. Он понимал, что без помощи Антанты советскую власть не сокрушить. Даже попросил бывшего военного министра Временного правительства Гучкова выехать за границу, чтобы оказать помощь в налаживании более тесных отношений с Державами Согласия. Деникин вел себя честно, откровенно определив позицию перед союзниками: помощь Антанты должна быть *ограниченной*. Он просил 18 пехотных и 4 кавалерийских дивизий для прикрытия белых на главных направлениях. Союзники, по замыслу, не должны были играть первых ролей в выполнении стратегической задачи — разгроме советских войск и овладении центром России — Москвой. Но события развернулись далеко не по деникинскому сценарию.

Доподлинно установлено: Англия, Франция, США оказали Деникину большую помощь оружием, материальными средствами и в первое время войсками, инструкторами и советниками. Основную помощь оказала Англия, которая, по данным Черчилля, суммарно выделила

диктатору около 100 млн английских фунтов стерлингов, Франция — от 30 до 40 млн английских фунтов стерлингов. Их хватило для полного содержания около 250 000 солдат. Но это не сняло глубоких противоречий во взаимоотношениях Деникина с союзниками.

Вначале Антон Иванович искренне верил в союзников, помогавших в борьбе с красными. Но вскоре с удивлением узнал о разграничении сфер влияния между англичанами и французами, в котором явно просматривались экономические интересы. Затем Главком ВСЮР столкнулся с попытками французских военных ущемить его прерогативы и вести двойную игру с Петлюрой. Эта линия французов была направлена на слом независимой политики Деникина. В начале 1919 года Главком отклонил проект, по которому заведующий гражданской частью в Одессе должен подчиняться ему и французскому командованию, подчеркнув тем самым суверенитет России над Одессой. Таким актом он отмежевался и от петлюровского движения, с которым Франция поддерживала тесные отношения.

Деникин категорически отверг идею французских интервентов о формировании «бригад микс», где русские солдаты должны были состоять под командованием французских офицеров. Он посчитал, что такая идея идет вразрез с идеей воссоздания русской армии. Главком определил, что генерал-губернатор подчиняется ему, а с французским командованием взаимодействует. Правда, выбор генерал-губернатора Деникин сделал неудачный. Генерал Гришин-Алмазова, вскоре после назначения, начал вести себя излишне самостоятельно. Установил, например, себе оклад в 3,5 тыс. руб., а генерал Деникин получал 1 000 руб. в месяц, появились случаи неисполнительности. Тогда Главком назначил главноначальствующим и командующим войсками юго-западного края в январе 1919 года генерала А. С. Санникова, который потом погряз в коррупции и воровстве. Гришин-Алмазов ушел на вторые роли.

С такой политикой Главкома ВСЮР Франция смириться не могла, так как это не вписывалось в их политическую схему — находиться на Юге России со статусом колониальных войск. Они даже хотели создать особые оккупационные органы власти, в которых бы А. И. Деникин и А. В. Колчак заняли окончательно подчиненное положение. Одно из форм давления было избрано создание, при помощи генерала Шварца, «Народной армии». Интервентам была необходима послушная вооруженная сила для достижения своих колониальных целей. А. И. Деникин разгадал их замысел и принял меры к его срыву. Но 800 офицеров, находившихся в тылу, вступили в армию Шварца. Французская эвакуация, однако, сорвала ее формирование. Деникин, несмотря на материальную зависимость от Франции, не позволил построить взаимоотношения по принципу «метрополия — колония».

В этом проявилась его патриотическая позиция. Он убеждал французов в том, что революция — трагедия не только России. Безуспешно. Тогда Главком довел конфронтацию до опасных пределов. Дело могло завершиться вооруженным противостоянием, если бы не спешная эвакуация интервентов из Одессы.

...Отношения Деникина с Англией складывались несколько лучше. Сказанное не означает, что здесь не было острых противоречий (Закавказье, например). Англия оказывала генералу разнообразную помощь... Однако помощь не была бескорыстной. Только до начала августа 1919 года англичане вывезли 16 пароходов пшеницы, масла, нефти с территории, подконтрольной ВСЮР.

В период военных неудач Главкома, начиная с 1920 года, отношения с Англией резко осложнились. Из английских газет генерал узнал, что в конце декабря 1919 года, по настоятельной просьбе Ллойд Джорджа, Верховный Совет Антанты снял блокаду Советской России. Англичане все больше разговаривают с диктатором языком ультиматумов. Свидетельство тому — миссия Маккиндера, потребовавшая в январе 1920 года расширения концессии и поставки ресурсов. Главком отверг подобные требования, посчитав их оккупационными.

Генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин никогда не был пешкой в руках иностранных эмиссаров, хотя нередко проявлял наивность. Наивность, наивностью, но сам факт обращения Деникина к иностранной помощи подрывал его патриотическую позицию и ставил генерала в двусмысленное и весьма уязвимое положение, противоречивость которого неминуемо должна была возрастать. Интервенция союзников, поощрение антисоветских вооруженных выступлений придало гражданской войне национально-патриотический характер, ленинский лозунг «Социалистическое Отечество в опасности!» стал одним из мощных консолидирующих факторов, поставивших под советские знамена очень большую часть общества. Г. В. Чичерин, ленинский нарком иностранных дел, скорее всего, прибегнул к пропагандистскому клише, когда 22 августа 1919 года заявил, что Деникин — «подставное лицо Антанты».

517. М. И. ГИОЕВ:

Только за февраль — март 1919 г., по данным деникинского управления по снабжению, в Новороссийский порт от стран Антанты поступило 1 840 пулеметов, 33 200 винтовок, 64 орудия, свыше 90 млн патронов, 211 тыс. снарядов, 72 грузовика. В апреле-мае было доставлено грузов для Добровольческой армии еще на 54 пароходах.

518. В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ:

Борис Савинков, представ перед советским судом в 1924 г., свидетельствовал: «Черчилль мне показал карту Юга России, где флажками были указаны войска деникинские... Он показал мне деникинские флажки и вдруг сказал: “Вот моя армия”».

519. Н. Г. РОСС:

2 апреля 1920 года британское правительство послало генералу Деникину, ноту в которой извещало его о прекращении белым всякой помощи. Впрочем, лично Деникину и его ближайшим сотрудникам гарантировалось политическое убежище в Англии.

520. Г. М. ИПОЛИТОВ:

...Все сложности во взаимоотношениях генерала с Францией детерминированы двумя главными причинами: своекорыстной политикой Франции на Юге России; принципиальностью диктатора во взаимоотношениях с союзниками по Антанте:

«Ни пяди русской земли никому не отдавать, никаких обязательств перед союзниками и иностранными державами не принимать ни по экономическим, ни по внутренним нашим делам... Когда станет у власти Всероссийское правительство, то оно не получит от нас ни одного векселя» —

вот политическое кредо А. И. Деникина, которое не могла не вызвать противодействия союзников, мечтающих о колониальных отношениях с Россией... помощь союзников *была своекорыстной*; отношения А. И. Деникина с союзниками были крайне противоречивыми и, в значительной степени, детерминировались положением дел на фронтах; генерал пытался проводить самостоятельную линию с позиций патриотизма, наталкиваясь на ожесточенное сопротивление союзников; диктатор был экономически зависим, вследствие чего и проявлял непоследовательность.

